

Шэнь Чжоу почувствовал, что его самолюбие немного задели, поэтому он нахмурился и, с глубокомысленным видом потянув за рукав старосты, спросил:

— Староста, можно мне поменять роль? Я не очень хорошо умею играть двоечников.

Староста похлопал его по плечу:

— Не надо играть. Ты куда встанешь — и так видно.

В одном из кадров Ци Шань должен был лежать на балконе, смотреть вдаль с надеждой в глазах.

Ци Шань только подумал об этом, и его уже передергивало. Лучше бы его убили, чем заставлять делать такое лицо.

После множества неудачных дублей оператор начал нервничать, двигая штатив:

— Сколько ещё раз будем пробовать? Вообще можем мы или нет? У нас время дорого, соберитесь уже!!!

Его тон был довольно грубым, и Шэнь Чжоу, услышав это, не смог сдержаться. Стоя в проходе, он бросил на оператора косой взгляд:

— Людей как актеров используешь, а ведёшь себя так высокомерно. Никогда не видел, чтобы для съёмок новостей нужно было что-то фальшивить.

Окружающие переглянулись, а лицо журналиста побелело.

Староста подошёл к Шэнь Чжоу и отвёл его в сторону.

— Ничего страшного, продолжайте снимать. Шэнь Чжоу, пойдём со мной вынесем мусор из класса.

Шэнь Чжоу слегка оттолкнул старосту, оглянулся на оператора:

— Если я был слишком резок, то прошу прощения. У меня просто плохой характер.

Оператор промолчал, его лицо было мрачным, как в дождливый день.

— Так мы снимаем или нет? — крикнул он.

— Сними своего деда, — Ци Шань развернулся и ушёл. — Я больше не даю интервью.

— Разойдись, разойдись, разойдись, — староста махнул рукой, обращаясь к толпе учеников. — Нечего тут смотреть, идите все по своим делам.

Журналист с растерянным видом посмотрел на дверь:

— Это... все старшеклассники сейчас такие независимые?

Староста Кун Байши кивнул:

— Прошу прощения, он не хочет давать интервью, но я могу. Вы можете взять интервью у меня.

Оператор молча собрал оборудование, журналист неловко засмеялся и ушёл вслед за ним.

— Чжоу-гэ, сегодня у нас дома лепят пельмени, приходи поесть, — внезапно сказал Ци Шань, обернувшись к Шэнь Чжоу. — Мой дедушка говорит, что соскучился по тебе.

— У вас дома я просто деревенщина, внук черепахи, — лениво сказал Шэнь Чжоу, подпирая подбородок рукой. — Не знаю, сможет ли твой дедушка на этот раз правильно назвать моё имя.

— Сегодня утром, когда я вёл Сюаньсюаня в школу, он орал, что я похититель, — с сожалением покачал головой Ци Шань. — Тебя, наверное, придётся ждать до следующей жизни.

— Как дела у Сюань-гэ? Выписался из больницы? — Шэнь Чжоу явно беспокоился за него.

— Вчера только забрал его домой: пельмени и лапша для воссоединения семьи. Сегодня будем есть пельмени, — Ци Шань широко улыбнулся, показывая ровные белые зубы. — Для удачи.

— Ладно, — кивнул Шэнь Чжоу. — Сначала я скажу Линьцзы и остальным, что сегодня не пойду с ними.

— Можешь взять их с собой, будет веселее.

— Нет, — Шэнь Чжоу покачал головой. — Твёрдо нет.

С такими язвительными шутками, как у Чжуан Линя, он бы точно раскрыл все его секреты.

Фан Сянь ещё куда ни шло, но он совершенно не умеет читать настроение.

Так что этих двоих брать нельзя!

После уроков они поджидали Шэнь Чжоу у входа, и как только он вышел, Чжуан Линь бросился к нему, обхватив его за шею.

— Чжоу-гэ, с кем ты сегодня обедаешь?

Чжуан Линь говорил, не переставая поглядывать на Ци Шаня, что привело последнего в замешательство.

— Со мной, — Ци Шань взял Шэнь Чжоу за руку. — Он идёт ко мне домой есть пельмени.

— Блин, Шань-гэ, ты несправедлив, такое дело, а меня не позвал! — Чжуан Линь отпустил Шэнь Чжоу, и его рука уже тянулась к плечу Ци Шаня, но Шэнь Чжоу ударил его, отчего тот чуть не потерял равновесие.

— Не трогай, — Шэнь Чжоу обнял Ци Шаня за шею и потянул к себе. — Он мой.

— Ладно, — Чжуан Линь схватил Фан Сяня и потянул его за собой. — Пошли, брат, поедим! Хайдилао!

— В Хайдилао неприятности случились, в новостях писали, что в кастрюле нашли мертвую крысу. Не ешь там, — отстранил его Фан Сянь. — У моей богини сегодня день рождения, иди ешь один.

Чжуан Линь на мгновение замер, словно постарев на десять лет.

— Линьцзы, я сегодня видел Сяо Цзюня и упомянул тебя, — вдруг вспомнил Шэнь Чжоу.

— И что он сказал? — глаза Чжуан Линя загорелись, и он вдруг вспомнил, что Сяо Цзюнь вёл ему после уроков не уходить, а он, кажется, забыл об этом.

— Изначально ничего не было, но как только я упомянул тебя, он срезал мне кучу баллов, — покачал головой Шэнь Чжоу. — Что ты ему сделал?

— Блин! — Чжуан Линь взглянул в небо. — Всё, он злопамятный, запомнил.

Ци Шань привёл Шэнь Чжоу домой, и как только они открыли дверь, Сюаньсюань выбежал в тапочках.

На тапочках был изображен Ультрамен, и они выглядели супер круто.

За несколько дней Сюаньсюань немного похудел, выглядел вялым, с гладким лбом, и, подняв голову, крикнул Ци Шаню:

— Брат!

Ци Шань достал из своей косой сумки связку танхулу, и Сюаньсюань, увидев их, сразу оживился, пытаясь допрыгнуть до них.

— Вкусные танхулу, о-о-о! — Ци Шань шёл, размахивая связкой.

Сюаньсюань ухватился за его ногу, смотря на танхулу голодными глазами:

— Брат! А-а-а! Дай мне, я хочу танхулу!

Шэнь Чжоу шёл за Сюаньсюанем, смеясь. Тот бежал так быстро, что даже не заметил, как потерял один тапochек.

— Сюань-гэ, ты потерял тапochек, — Шэнь Чжоу поднял его, держа на пальце. — Он тебе ещё нужен?

— Где мой тапochек? — Сюаньсюань пошатнулся, чуть не упав, и крепко обхватил ногу Ци Шаня.

Шэнь Чжоу наклонился, поднял его на руки и занёс в дом.

— Сюань-гэ, ты в последнее время сильно похудел, — Шэнь Чжоу ущипнул его за щеку. — Ой, даже ощущения не те, что раньше.

Сюаньсюань, держа в руках танхулу, только ел и не обращал на него внимания.

Кожа у ребёнка была очень нежной, и на солнце даже были видны капилляры на его лице, словно тонкий персик, который, казалось, можно было раздавить.

Ци Шань взглянул на Шэнь Чжоу и сказал:

— Когда-то моя кожа тоже была такой нежной, что дедушка боялся говорить со мной громко, чтобы поток воздуха не поцарапал моё нежное лицо.

— Что же с тобой случилось за эти годы, что ты стал таким грубым? — с лёгкой насмешкой

Шэнь Чжоу поднял его подбородок, но, получив шлепок, оглянулся в комнату. — Где дедушка?

— Наверное, у соседей играет в шахматы, — Ци Шань встал и принёс из кухни две головки чеснока, бросив их Шэнь Чжоу. — Садись и чисти.

— Чистильщица чеснока, — усмехнулся Шэнь Чжоу. — Вот какой у меня статус в твоём доме.

— А что ты ещё хочешь? — Сюаньсюань протянул Шэнь Чжоу танхулу. — Возьми один.

На связке было пять танхулу, а осталось три.

Шэнь Чжоу взял руку Сюаньсюаня и одним движением снял все три, набив рот и быстро проглотил.

Сюаньсюань замер, на мгновение оцепенев, а затем вдруг зарывал и швырнул в него палочку.

Шэнь Чжоу усмехнулся:

— Ты же сам сказал мне съесть.

— Верни, — Сюаньсюань плакал и бил его кулаками, голос его стал хриплым.

— Ладно, ладно, Сюань-гэ, — Шэнь Чжоу не выдержал детского плача и сразу сдался. — После обеда я куплю тебе столько, что хватит на весь лоток.

Ци Шань, взяв уже приготовленные накануне пельмени, ложкой опустил их в кипящую воду. Круглые пельмени, словно маленькие белые гуси, плавали в кипятке.

Вскоре они все сварились.

— Пельмени готовы, я пойду позову второго дядю и дедушку, — Ци Шань, увидев, что Шэнь Чжоу и Сюаньсюань хорошо ладят, позвал их и вышел из дома.

Автомастерская как раз ремонтировалась, и второй дядя не пошёл на работу, а следил за рабочими, попутно помогая чинить машины.

Ци Шань, видя, что рабочие заняты, решил позже принести им тарелку пельменей, чтобы они тоже попробовали.

Он вырос в переулке, где соседи, живущие за стеной, всегда делились друг с другом чем-то вкусным, независимо от количества, просто в знак внимания.

Сяо Цзюнь: Я запишу имена всех, кто пишет гадости обо мне в комментариях!

<http://bllate.org/book/16828/1547631>